

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-114-124

ИСТОРИЯ ПАРАШИ ЛУПАЛОВОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО СЮЖЕТА

Пурыева Н. Н.*Институт русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова**117218 г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1., Российская Федерация*

Цель. Проследить, как формируется устойчивый сюжет о Параше Лупаловой («парашин сюжет») в первой половине XIX в. на материале трёх произведений: романа С. Коттен, повести К. де Местра, пьесы Н. А. Полевого.

Процедура и методы. Основными методами исследования являются аналитический и сопоставительный. Проанализированы структура и элементы «парашиного сюжета», выявлены повторяющиеся компоненты: географическая локализация, тип героини, устойчивые составные части сюжета.

Результаты. На основе анализа произведений первой половины XIX в., опирающихся на историю Парашы Лупаловой, подтверждена гипотеза о формировании устойчивого «парашиного сюжета», который стал настолько популярен, что воспроизводился не только в авторских, но и в анонимных произведениях беллетристики последней четверти XIX в. Переходя из произведения в произведение, он легко перенимал черты разных литературных жанров: сказки, жития, авантюрного романа, исторического романа, романа воспитания. В истории развития «парашиного сюжета» можно выделить по крайней мере два периода: становление (первая половина XIX в.) и модификацию (конец XIX – начало XX вв.). Рассматриваемые в исследовании произведения относятся к первому этапу развития «парашиного сюжета». В статье подробно проанализирована специфика каждого из трёх произведений, обозначены художественные задачи, которые ставил перед собой каждый автор, и модификации, которым в соответствии с ними подвергался сюжет.

Теоретическая и/или практическая значимость. Благодаря анализу развития устойчивого сюжета были выявлены его закономерности, которые могут применяться при исследовании произведений массовой литературы.

Ключевые слова: Лупалова, Параша Лупалова, парашин сюжет, произведения первой половины XIX в., устойчивый сюжет

THE STORY OF PARASHA LUPALOVA IN THE WORKS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: FORMATION OF A SUSTAINABLE PLOT

N. Puriaeva*Institute of Russian Language and Culture of Lomonosov Moscow State University
ul. Krzhizhanovskogo 24/35 bld. 1, Moscow 117218, Russian Federation*

Aim. To follow sustainable “Parasha Lupalova” plot formation in the first half of the XIX century based on three works: a novel by Sophie Cotton, a short story by Xavier de Maistre, a play by Nikolay Polevoy.

Methodology. The main research methods are analytical and comparative. The structure and elements of the “parasha’s plot” are analyzed, recurring components are singled out: geographic localization, type of heroine, stable components of the plot.

Results. Based on the analysis of the works of the first half of the 19th century the hypothesis of the formation of a consistent “Parasha’s plot” is confirmed. This plot became so popular that it was reproduced both in author’s works and anonymous belles-lettres loves of the last quarter of the 19th century. Moving from work to work, it easily adopted the features of different literary genres: fairy tale, hagiography, adventure novel, historical novel, educational novel. At least two periods can be distinguished in the history of the development of the “Parasha’s plot”: formation (the first half of the 19th century) and modification (late 19th – early 20th centuries). The texts considered in the article relate to the first stage of development of “Parasha’s plot”. The article analyzes in detail the specifics of each of the three works, identifies the artistic tasks that each author set himself and the modifications to which the plot was subjected.

Research implications. Analysis of the development of “parasha’s plot” allows to draw conclusions regarding how consistent plot patterns operate in mass literature.

Keywords: Lupolova, Parasha Lupalova, Parasha plot, works of the first half of the 19th century, stable plot

Введение

За сто с небольшим лет история Параши Лупаловой¹ получила не менее пятнадцати художественных воплощений в разных видах искусства, что заставляет пристальнее присмотреться к этому сюжету.

Наша гипотеза заключается в том, что на основе реальной истории Параши Лупаловой сформировался устойчивый «парашин сюжет», который воспроизводился в русской беллетристике XIX–XX вв. Цель данного исследования – выявить черты устойчивого сюжета в произведениях первой половины XIX в., в основу которых была положена история Параши Лупаловой. Материалом будут служить три произведения, достаточно широко известные в России в 1800-е – 1850-е гг.: роман С. Коттен, повесть К. де Местра, пьеса Н. А. Полевого.

Первой к истории Лупаловой обратилась французская писательница Софи Коттен в романе «Елисавета Л*, или Несчастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного. Истинное происшествие» (1806). В русском переводе роман вышел в 1807 г. и затем несколько раз переиздавался (1808, 1810, 1818, 1824 гг.).

Продолжением «западно-европейской» ветви развития сюжета можно считать пьесу Р. де Пиксерекура «Дочь ссыльного» (1818), балет Г. Джойи «Сибирские изгнанники» (1823), оперу Г. Доницетти «Восемь месяцев за

два дня, или Ссылные в Сибири» (1827), балет А. Монтичини «Елизавета, или Ссылные в Сибири» (1828), и – самое позднее обращение к сюжету – балет А. Бурнонвиля «Из Сибири в Москву» (1876)².

Исследователь А. П. Груцинова объясняет интерес к русским сюжетам тем, что, «с одной стороны, это было естественное тяготение романтического музыкального театра к “неизвестному” и “экзотическому”». С другой – в случае, если хореографом производились более или менее серьёзные исторические “изыскания” в области русской истории, служило в некотором смысле и образовательным целям, знакомя западноевропейскую публику с Россией» [5, с. 179–180]. Сходные идеи высказывает В. Е. Багно: «уже в начале XIX столетия, как следствие Великой Французской революции, параллельно со всё новыми редакциями этой, первой по времени возникновения “русской идеи” Запада, стали появляться новые представления о России, в которых попытки понять загадочную русскую душу были неотторжимы от горьких раздумий о кризисе Европы» [1, с. 27].

Однако наиболее известным из зарубежных произведений на «парашин сюжет» является повесть Ксавье де Местра «Молодая Сибирячка» (1825)³. Она не-

¹ Встречаются также варианты написания – Луполовой, Лупуловой, Лопуловой.

² Подр. см.: Груцинова А. П. Русский сюжет в западноевропейском балете XIX века // Вопросы театра. 2017. № 1–2. С. 170–181; Шигаева Е. Ю. «Сибирская» опера Доницетти // Израиль XXI. Музыкальный журнал. 2018. № 1 (63). С. 1–8.

³ Ряд исследователей указывают годом создания 1815. Е. П. Гречаная в своей работе приводит убедитель-

сколько раз переиздавалась, причём, несмотря на появившийся в 1840 г. русский перевод, на протяжении XIX в. продолжала выходить в России и на французском языке – в качестве пособия по чтению с комментариями.

Развитие «отечественной» ветви «парашиного сюжета» началось заметно позже. Первым русским писателем, обратившимся к нему, стал Н. А. Полевой в пьесе «Параша сибирячка» (1840 г.). Поскольку роман Коттен и повесть Местра были довольно широко распространены и популярны в России, пьеса Полевого не стала чем-то совершенно новым, лишь дополнила ряд произведений о Параше Лупаловой. Именно в их контексте рассматривает произведение Полевого в своих рецензиях В. Г. Белинский [6, с. 30–32].

Таким образом, говоря о «парашинном сюжете» в русской литературе первой половины XIX в., следует рассматривать эти три произведения (Коттен, Местра, Полевого) как составляющие первый этап его развития.

Роман С. Коттен

Фактографической основой сюжета о Параше Лупаловой стали сообщения в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (декабрь 1804) и более подробная заметка в январском номере «Северного вестника» за 1805 г. В ней говорилось, что дочь отставного прапорщика Григория Лупалова, Парасковья, отправилась к императору просить милости для своего отца. Девушка пошла пешком в Петербург, имея на дорогу лишь 10 копеек. Путь из Ишимского округа до столицы занял год. Деталей путешествия не сообщается, кроме упоминания о переправе через реку и помощи, которую девушка получала в пути от добрых людей. В Петербурге её приняла княгиня Д. А. Т., благодаря ходатайству которой дело было подано в комиссию для пересмотра, а затем представлено императору. Высочайшим указом Лупалов был помилован. Заметка

ные аргументы в пользу того, что Местр работал над повестью в конце 1810-х – начале 1820-х гг.

завершается изъятием восхищения поступком Лупаловой.

Сообщение о Лупаловой было перепечатано во французских газетах и привлекло внимание Коттен (подр. см. [4, с. 209]). Исследователь Е. П. Гречаная объясняет причину обращения Коттен к данному сюжету интересом эпохи Просвещения ко всему «иному», экзотичному и маргинальному. Локус России и героиня-женщина полностью соответствовали данной тенденции: «произведения, в которых российская тема сочеталась с женской, выражали интерес эпохи к “иному”, недооценённому или вообще неучтённому» [4, с. 205].

В связи с отсутствием в первоисточнике, на который она опиралась, конкретных деталей путешествия русской девушки, а также сведений о её дальнейшей судьбе Коттен достраивает фабулу, заполняя лакуны типичными мотивами авантюрно-приключенческого романа: пастор-помощник¹, эпизод с перевозчиком через реку, эпизод с разбойниками, переправа через болото и др. Писатель вводит вторую сюжетную линию – любовную – между главной героиней и сыном Тобольского губернатора – Смоловым. И, наконец, Коттен меняет имя героини: вместо непривычного для французского уха *Парасковья* она даёт ей более благозвучное имя *Елизавета*.

Сюжет романа построен на том, что дочь, случайно узнавшая о несправедливости наказания отца, сосланного в Сибирь за некое преступление и отчаявшегося изменить свою судьбу, решает отправить к царю просить милости для родителя. Повествование завершается счастливой развязкой обеих сюжетных линий: восстановлением справедливости и свадьбой героев. Отправной точкой путешествия героини обозначен некий город Саимка, затем Пермь, Сарапул, Казань, Владимир, Покров и Москва. Описания внешности

¹ Коттен увлекается созданием экзотического антуража в ущерб реалистичности: её русская героиня в начале пути получает в провожатые испанского миссионера (!) отца Павла, который возвращается домой после 60 лет (!) проповеднической деятельности в Сибири (!).

героини нет, писатель указывает лишь, что ей 18 лет. На пути героиню ждут испытания, как стихийные (едва не утонула в болоте), так и связанные с человеком (переправа с лодочником через реку, встреча с разбойниками, необходимость просить милостыню), у неё есть помощники – пастор-миссионер Павел, затем г-жа Милина. Изображённые Коттен реалии весьма условны и клишированы, поэтому действие могло происходить в любом месте.

Любопытно, что Коттен делает отца героини польским дворянином Станиславом Потовским, сосланным за участие в повстанческом движении за независимость Польши. По тонкому замечанию Гречаной, сознательно изменяя национальность героини, Коттен учитывала политические реалии, сложившиеся на момент написания романа (1805): Франция и Россия находились в состоянии войны, а польский вопрос звучал весьма остро [4, с. 210]. В последующих произведениях на «парашин сюжет» польское происхождение героини не встречается.

С точки зрения жанра Коттен создаёт «чувствительный роман», однако нагромождение приключений и чудесных извращений героини, разворачивающихся на условно реальном фоне, делают повествование похожим скорее на авантюрный роман или на длинную сказку.

В этом смысле примечательно, что сюжет, который создаёт писатель, типологически совпадает со структурой сказочного сюжета. Используя обозначения В. Я. Проппа, его можно представить следующим образом:

- исходная ситуация недостачи (а) (несправедливый приговор отцу);
- искатель решается на противодействие (С) (дочь решает отправиться просить милости к отцу);
- герой отпускается из дома (В³) (родители после долгих уговоров благословляют дочь в путь);
- герой покидает дом (↑) (героиня отправляется в путь);
- испытания героя (Д);

– герой достигает места нахождения предметов поиска (R);

– начальная недостача ликвидируется (Л);

– возвращение героя (↓)

– герой вступает в брак и воцаряется (С*)

Продолжая эту логику, путешествие с периферии империи в её центр можно рассматривать как аналог путешествия в тридевятое царство.

Речь идёт, безусловно, о типологическом совпадении сюжета Коттен со сказочной структурой, однако, поскольку текст французского писателя довольно продолжительное время присутствовал в русском культурном пространстве, именно на его основе складывается ряд мотивов, которые в дальнейшем регулярно воспроизводятся при описании истории Парашаи Лупаловой, т. е. формируют «парашин сюжет»: героиня отправляется в трудное путешествие, чтобы восстановить справедливость, в пути её ждут испытания (природные стихии, переправа через реку, встреча с разбойниками), она встречает помощников; миссия героини успешно выполнена. В двух ближайших по времени к роману Коттен вариантах истории Лупаловой (повести Местра и драме Полевого) эпизода с разбойниками нет, однако в текстах, более отдалённых по времени (анонимные повести второй половины XIX в., повести Е. А. Салиаса и Л. А. Чарской) этот мотив неизменно присутствует.

Таким образом, уже в первом произведении на «парашин сюжет» складывается схема основной сюжетной линии и его пространственная локализация.

Повесть Ксавье де Местра

Одна из причин, по которым Местр обратился к «парашинному сюжету», заключается в его недовольстве поверхностностью романа Коттен, которая, как он отмечает в предисловии к повести, «приписала <героине> романические похождения»¹. Для

¹ Местр Ксавьерий. Молодая сибирячка: истинное происшествие / пер. с фр. А. Попова. СПб., 1840. С. 6.

Местра в истории Параши Лупаловой важна не развлекательная, а поучительная сторона, её нравственный потенциал. По воспоминаниям его племянника, Местра был лично знаком с Лупаловой [4, с. 226–227], поэтому для него особо важно точное и достоверное изложение событий. Видимо, Местру известны дополнительные источники информации о Лупаловой: «Друг просвещения» (ч. 2, апрель 1805) – отсюда сведения, что отец Лупаловой родился и вырос в Венгрии (хотя не венгр), эпизоды с нападением собак, бурей в лесу, эпизод, где едва не утонула в реке; «Сионский вестник»¹ (1806) – Местр в точности воспроизводит указанный в заметке маршрут путешествия. Возможно, он также знаком с заметкой о Лупаловой, приведённой С. Н. Глинкой в «Русской истории» (1818).

Местр последовательно воссоздаёт национальную идентичность героини. Прежде всего, он «возвращает» ей имя Прасковья, а на протяжении повести довольно подробно описывает и комментирует народные русские обычаи (например, обычай присесть перед дорогой, эпизод с просыпанной солью и др.).

Меняется маршрут путешествия (Ишим – Камышлов – Екатеринбург – Нижний Новгород – Москва – Петербург), однако вектор движения – из Сибири в столицу – сохраняется.

Завязка сюжета происходит в самом начале повести, когда Парашу во время молитвы осеняет мысль отправиться просить милости для отца. Таким образом, подчёркивается сакральность задачи, которую берёт на себя героиня. Кульминацией сюжета становится встреча Параши с

императорской четой, о которой ходатайствует императрица Мария Фёдоровна. Примечательно, что Местр описывает визит Параши к вдовствующей императрице, о встрече же с монархами сказано лишь, что они «приняли её тоже очень милостиво». Александр I даёт распоряжение пересмотреть дело отца Параши.

В развязке, когда цель миссии достигнута, Параша не спешит назад к родителям сообщить радостную весть лично, им посылают письмо. Героиня же отправляется в Киев принять постриг. Повествование завершается назидательным описанием смерти Параши: «она скончалась, творя крестное знамение»². Канва «парашиного сюжета» сохраняется: героиня проходит испытания стихиями и людьми, исполнить миссию ей помогают помощники (в Екатеринбурге это некая г-жа Милина, в Петербурге – фрейлины при императорском дворе). Исполнив миссию, вернуться в обычную жизнь героиня не может, поэтому уходит в монастырь, где вскоре умирает. Повесть Местра сближается не с жанром сказки, как у Коттен, а с жанром агиографии.

Е. П. Гречаная высказывает идею о сходстве истории Параши Лупаловой с жанром «бытового» жития [4, с. 226], её поддерживает А. Л. Осповат, говоря, что героиня Местра описана по «житийным образцам» [6, с. 91], и развивает Багно: «писателем-католиком создан образ православной святой» [1, с. 27]. Эта, безусловно, продуктивная гипотеза нуждается в некотором уточнении.

Повесть «Молодая сибирячка» была написана по-французски, опубликована во Франции (русский перевод появился лишь в 1840 г.), т. е. ориентирована, в первую очередь, на французского читателя. Именно это обстоятельство определяет идейные элементы, которые автор отбирает, создавая образ главной героини, художественные приёмы, которые он использует, а также некоторые особенности повествова-

¹ Автор сообщения о Лупаловой даёт следующую оценку современному ему восприятию истории Параши: «“Северный вестник” сделал из истории неудачный роман, примешав такие обстоятельства, которых не было, и приписав даже развязку, дела не тому случаю, который открыл сему удобство. В “Друге просвещения” происшествие описано точно со слов самой Лупаловой, но тут вкралась ошибка другого рода... Впрочем в сих журналах происшествие сие рассказано как приключение любопытное» (Сионский вестник: ежемесячное издание на 1806 г. Ч. 1. СПб.: изд. А. Ф. Лабзина, 1806. С. 95–96).

² Местр Ксаверий. Молодая сибирячка: истинное происшествие / пер. с фр. А. Попова. СПб., 1840. С. 72.

ния. Судьба главной героини, её одержимость миссией, невозможность вернуться к обычной жизни после выполнения этой миссии, праведная жизнь и кончина, безусловно, сближают «парашин сюжет» с сюжетной канвой жития. При этом, будучи носителем французской культуры, католиком, Местр, думается, ориентировался не на русские образцы¹, а на французские, в частности, на образ Жанны д'Арк.

Д. М. Буланин в своей книге «Жанна д'Арк в России» обстоятельно описывает модификацию мифа о девушке из Домреми во Францию эпохи республики и особенно империи [3, с. 92–95], объясняя её всплеском интереса к образу в произведениях самых разных жанров. Примечательно, что одним из философов-публицистов, обращавшихся к образу Жанны д'Арк в своих рассуждениях, был старший брат К. де Местра Жозеф де Местр – в пришедших ему известность «Рассуждениях о Франции» (1796) [7, с. 134]².

Нельзя не отметить определённое сходство между Жанной и героиней Местра: простая, в сущности, невежественная героиня; её близость природе (любимое место уединённой молитвы – в лесу); острое религиозное чувство (озарения наступают во время молитвы); восприятие своей судьбы как исполнение миссии (спасение родины в одном случае и спасение отца – в другом).

В повести упоминается ещё один сюжет, популярный в европейской культуре, особенно в барочной живописи XVI–

XVIII вв. – сюжет Агари в пустыне. Он возникает в произведении дважды, оба раза в моменты, когда героиню мучают сомнения, таким образом, выступая в качестве вспомогательного элемента развития действия. Обращение Местра именно к сюжету Агари, на наш взгляд, служит ещё одним аргументом в пользу ориентации на католическую традицию.

Впрочем, католические элементы в повествовании переплетаются с православными: автор отправляет героиню в путь 8 сентября – в день Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы³. Таким образом, Местр демонстрирует довольно глубокое знание и русской религиозной традиции, которым обязан, видимо, своей русской супруге, в девичестве С. И. Загряжской. Кстати, она также была лично знакома с Лупаловой и даже выведена в повести как одна из придворных фрейлин, принявших в героине деятельное участие.

Итак, произведение Местра было ориентировано прежде всего на европейского читателя, в связи с чем естественно предположить, что одной из его целей было представить картину российской действительности, причём не только в части изображения нравов и традиций. В дополнение к этнографическому экскурсу Местр описывает государственное устройство Российской империи. Весьма точно изображая неповоротливость российской государственной машины, Местр тем не менее показывает, что в этом государстве дочь осуждённого преступника без средств и покровительства может дойти до государя и добиться справедливости.

В этой связи очень примечателен образ памятника Петру I, появляющийся в повести. В последний раз после многочисленных неудачных попыток, когда Параша пытается подать прошение в сенат (значимо, что это происходит сразу после праздника Пасхи), у неё происходит разговор с купчихой, в доме которой она временно остановилась. Та говорит, что проще по-

¹ Как бы ни была комплиментарна гипотеза О. Л. Калашниковой, всё же кажется, что написанные витиеватым языком середины XVIII в., хотя и опубликованные впервые в 1811 г., «Своеучные записки» Натальи Долгорукой едва ли служили литературным образцом для французского автора. См.: Калашникова О. Л. О русской духовности от Ксавье Де Местра // Вопросы русской литературы. 2012. № 22 (79). С. 182.

² Примечательно также, что этот всплеск интереса к образу Жанны д'Арк затрагивает не только авторов – этнических французов, но и авторов – представителей других национальностей, но при этом ориентированных на французскую культуру. О произведениях русской литературы, посвящённых Жанне д'Арк, см. [3].

³ У Коттен героиня отправляется в путь 18 мая.

дать прошение статуе Петра, чем добиться, чтобы кто-нибудь из сенаторов взял её бумагу. Параша горячо возражает ей, говоря, что «Господь всемогущ и может, если такова его воля, заставить даже этого железного человека нагнуться и поднять мою просьбу»¹. Пока Параша рассматривает памятник, её спутница обращает внимание, что мосты на Васильевский остров уже наведены, они отправляются туда передать рекомендательное письмо госпоже Л., благодаря чему дело Параше вскоре принимает благоприятный оборот. Возвращаясь вечером и вновь проходя мимо памятника, Параша размышляет, что Бог внял её молитвам, ей не придётся больше обивать порог сената: «и этот самый железный человек оказал мне услугу по воле Божией ... не будь его, я не заметила бы, что наведён мост, не познакомилась бы с этими добрыми людьми, обещавшими мне свою помощь»².

Соблазнительно увидеть в статуе Петра олицетворение государственной машины, безразличной к человеку, подобно тому, как её позднее изображает Пушкин в «Медном всаднике». Учитывая внимание, с которым поэт относился к произведениям Местра³, возможно предположить, что памятник Петру I из этой повести французского автора мог послужить одним из источников образа Петра в поэме.

Итак, в повести Местра та же сюжетная структура, что и у Коттен: миссия героини восстановить справедливость, испытания героини в пути, герои-помощники (г-жа Милина, фрейлины при императорском дворе, множество второстепенных персонажей), торжество справедливости в финале. В отличие от Коттен Местр не

вводит дополнительную любовную или авантюрную линию, однако в его повести основная сюжетная линия, связанная с главной героиней, как бы расслаивается на две: «земную» (этнографические описания и галерея психологических портретов персонажей, которых встречает главная героиня) и «духовную» (миссия героини).

Изображение героини весьма схематичное, главные черты её характера – религиозность и чувство долга перед родителями. В её обрисовке есть сходство с житийным каноном, однако говорить об ориентации исключительно на православную агиографическую традицию представляется не вполне корректным. В своей повести Местр соединяет узнаваемые для французского читателя элементы (сходство героини с Жанной д'Арк, сюжет Агари) с сугубо русскими (имя героини, описание нравов и традиций) и в результате создаёт вполне комплиментарный образ России. Это ещё одно подтверждение тезиса о том, что «русский» сюжет (в данном случае – «парашин сюжет») являлся для западной литературы «инструментом» понимания загадочного восточного соседа.

Пьеса Н. А. Полевого

Следующим автором, обратившимся к «парашиному сюжету», стал Н. А. Полевой, а его пьеса, в свою очередь, послужила основой одноименной оперы Д. Струйского, созданной в том же 1840 г.

Полевой преобразует «парашин сюжет» в драматургическое действие, давая ему авторское жанровое определение – «русская быль». Для писателя, таким образом, важна установка на воссоздание «духа народа», чего раньше в своём творчестве Полевой стремился достичь, обращаясь к более объективному жанру исторического исследования («История русского народа»). Однако фактографическая точность при изображении истории Парашы Лупаловой, судя по всему, мало занимала автора. Полевой опирался на «парашин сюжет» в том виде, в каком он сложился у Коттен и Местра, не учитывая

¹ Местр Ксаверий. Молодая сибирячка: истинное происшествие / пер. с фр. А. Попова. СПб., 1840. С. 48.

² Там же. С. 50.

³ Так, описание кабинета Евгения Онегина в одноименном романе исследователи возводят к повести Местра. См.: Эйхенбаум Б. О литературе: работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 70; Слободина В. А. «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра в творческом осмыслении А. С. Пушкина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 15. С. 133–136.

ни первоисточники 1800–1810-х гг., ни более поздние¹.

Трансформация сюжета в драматургическую форму неизбежно ведёт к «сжатию» пространства действия. В пьесе Полевого оно разворачивается в двух локусах: Сибирь (точное место не указано) и Москва, начальной и конечной точках путешествия, само же путешествие оставлено без описания. Таким образом, часть сюжета, которая была столь важна для французских авторов, поскольку позволяла, пусть и условно, представить российские нравы и реалии, для русского автора значения не имеет. «Народности» изображаемого Полевой достигает не через «этнографическое» описание окружающих реалий, а, как справедливо отмечала А. С. Басенко, через «воссоздание картин быта и наращивание семейно-социального материала», через введение массовых народных сцен [2, с. 80].

Композиционно «Параша сибирячка» Полевого состоит из двух действий и эпилога. Сюжет довольно схематичен, а развитие действия, обрисовки характеров автору не важны в силу вполне объективных причин: суть конфликта пьесы (хотя определение «конфликт» тут едва ли уместно) – милость монарха, а основная сюжетная линия *народ – государство*, а ещё точнее – *подданный – монарх*, представленная на примере истории Парашы, самоотверженной дочери, пришедшей просить монарха о снисхождении к её отцу. Таким образом, в сюжете невозможно его развитие как таковое, нет сколько-либо выраженного противостояния антагонистов, да и разделить персонажей на протагонистов и антагонистов довольно затруднительно.

Полевой, как и предшественники, наделяет героиню особой набожностью, однако у него она приобретает чётко выраженный вектор – колеблемая вера в особую связь каждого подданного с царём («Милосердию Бога нет границ – нет их и

милосердию Русского Царя! В храм Божий всегда отверсты двери – и к Царю всюду доступ его детям!...»²).

Кульминационная сцена пьесы – встреча с императором. Полевой описывает её в третьем лице – через реплики простых людей, пришедших в Кремль приветствовать императора. Видимо, для усиления эмоционального эффекта автор переносит время действия: по косвенным деталям в тексте угадывается, что эпизод происходит в момент коронационных торжеств по случаю воцарения Александра I – т. е. в сентябре 1801 г. Таким образом, этот эпизод выступает как знаковое событие, проявление божественной и императорской милости, знаменующее собой начало многообещающего царствования.

Опираясь на известный сюжет, Полевой, безусловно, в значительной степени освобождал себя от необходимости подробно прописывать не только события, но и характер главной героини. И всё же образ Парашы у него нарочито схематичный и шаблонный. Ведущие черты – набожность и целеустремлённость. В отличие от героини Местра у Полевого Параша грамотна (сама пишет императору письмо с просьбой о помиловании отца), однако это умение не является признаком развитого ума героини. Её образ имеет строго сюжетную функцию и лишён личностных черт, т. е. как самостоятельный характер драматурга явно не интересует. Кроме того, автор уменьшает значимость героини уже в самом начале пьесы, когда Неизвестный в разговоре с другом упоминает, что у него есть старший сын, родившийся до катастрофы, о судьбе которого он ничего не знает. Этот сын появляется и обретает имя в конце II действия. Таким образом, Полевой несколько снижает идею исключительности миссии героини.

Схематичность обрисовки относится и к другим условно центральным харак-

¹ Ко времени написания пьесы вышел «Словарь достопамятных людей российских земель» (1836) Д. Н. Бантыш-Каменского, в котором есть статья, посвящённая Параше Лупаловой.

² Полевой Н. А. Параша Сибирячка // Полевой Н. А. Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого: в 4 ч. Ч. 1. СПб.: в типографии Н. Греча, 1842. С. 40.

терам – Неизвестному (отец Параши), Прохожему (друг его молодости). Более фактурно описаны только пародийные «герои-помощники»: Фёкла Федосьевна, вдова, в доме которой Параша остановилась в Москве, и стряпчий Писулькин, которого та приглашает по собственному почину, чтобы помочь Параше составить прошение. Однако, эти образы тоже сугубо функциональны и относятся к условно «отрицательным» героям пьесы.

В качестве основного способа характеристики героев Полевой использует приём говорящих фамилий. Создаваемые с их помощью характеры варьируются от условно отрицательных (уже упомянутый Писулькин) до условно положительных, например, генерал из приближенных Александра I, которому император поручает разобраться в деле Параши, – Добров. Думается, не случайно выбраны имена старшего брата Параши – Леонид, «подобный льву», – и отца Параши – Неизвестный. В списке действующих лиц и на протяжении всей пьесы он обозначен именно так, лишь в первом действии, когда Параша рассказывает о себе Прохожему, она называет имена родителей: Александр Григорьевич и Павла Павловна. Подобная номинация исключает возможность существования конкретного прототипа героя, т. е. делает его образ собирательным. Полевой выстраивает корреляцию *монарх – все подданные*, которые в то же время *его дети*. Это означает, что «Неизвестным» может быть любой, т. е. герой «представляет за всех».

Примечательно, как меняется национальная принадлежность главной героини. Если у Коттен отец Параши – польский дворянин, участвовавший в восстании и сосланный за это в Сибирь, у более осмотрительного Местра – украинский дворянин, сосланный за растрату казённых денег, у ещё более осторожного Полевого – русский дворянин, сосланный за непредумышленное убийство. Видимо, стараясь избежать малейших ассоциаций прошлого героя с каким-либо политиче-

ским контекстом, Полевой предпочитает сделать его обвиняемым в гомициде.

Как уже было отмечено выше, в «Параше Сибирячке» Полевой ставил перед собой иные задачи, чем его французские предшественники, использовавшие тот же сюжет. У него не было цели объяснить русский характер или обрисовать российские реалии, чтобы познакомить с ними зрителя / читателя. Задача пьесы – показать восстановление справедливости, осуществляемое просвещённым монархом, т. е. это классицистический по своей сути конфликт, который в 1840 г. выглядит довольно архаично.

Любопытную гипотезу о причине обращения Полевого к данному сюжету высказывает А. С. Федотов. Особенностью пьесы, по мнению исследователя, было то, что она адресована «не только широкой публике, но и вполне конкретному зрителю — императору Николаю I» [9, с. 244], поскольку основной задачей автора было «обрести необходимое расположение властей, реанимировать собственную литературную карьеру, выбиться из числа проклятых и опальных литераторов» [9, с. 247]. Впрочем, как констатирует исследователь, попытка оказалась неудачной.

Фабула пьесы Полевого в основном следует «парашиному сюжету»: сходные завязка и развязка, географическая локализация действия. При этом отсутствует описание путешествия, следовательно, не изображены испытания героини; герои-помощники переосмыслены в пародийном ключе. Эта намеренная лакуна в сюжетной линии, вызванная, прежде всего, драматургической формой произведения, с другой стороны, свидетельствует о том, что сюжет уже настолько сложился и хорошо знаком зрителю / читателю, что часть его возможно опустить, не нарушив при этом целостности фабулы. Таким образом, основная «заслуга» Полевого состоит в том, что он перенёс «парашин сюжет» в русскую литературу [9].

Заключение

Итак, в рассмотренных литературных произведениях первой половины XIX в. (Коттен, Местр, Полевой) складывается сюжетная модель, имеющая устойчивый комплекс фабульно-сюжетных мотивов: зафиксированная географическая локализация (путешествие из Сибири в Москву / Петербург), простая героиня, её особая миссия (восстановить справедливость), постоянные сюжетные компоненты (эпизод с разбойниками, встреча с героем-помощником, обязательное торжество справедливости в развязке (монарх дарует милость)). Всё это позволяет говорить о формировании устойчивого сюжета о Параше Лупаловой («парашиного сюжета»). При сходстве фабулы в каждом из рассмотренных произведений проявлялась своя смысловая модальность: авантюристичность и сказочность у Коттен, черты агиографического жанра у Местра, презумпция монаршей справедливости – у Полевого.

Ещё одним подтверждением устойчивости «парашиного сюжета» служит то, что

он получил дальнейшее развитие в русской литературе второй половины XIX – начале XX вв. Примерно в 1870–90-е гг. появляется по крайней мере четыре анонимные повести на этот сюжет¹. На рубеже веков выходят авторские повести, представляющие переработанный «парашин сюжет» – повесть Е. А. Салиаса «Ваня»² (1896, отдельное издание 1904) и повесть Л. А. Чарской «Сибирочка»³ (1910).

Причина популярности «парашиного сюжета» заключается, возможно, в том, что он предлагает нестандартную ролевую модель активной героини, способной ради своей цели преодолеть значительные географические и социальные барьеры. Эта модель находит отражение, например, в образе Маши Мироновой в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина⁴. Однако в целом в первой половине XIX в. в произведениях, получивших позднее статус классических, активная героиня ещё редкость, социальные роли, доступные женщине, ещё слишком ограничены.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е. Русская тема и русские темы в зарубежной художественной литературе (опыт систематизации) // Русская литература. 2019. № 3. С. 22–30.
2. Басенко А. С. Жанр были в драматургии Н. А. Полевого // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 78–82.
3. Буланин Д. М. Жанна д'Арк в России: исторический образ между литературой и пропагандой. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2016. 718 с.
4. Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, 2002. С. 186–192.
5. Груцынова А. П. Русский сюжет в западноевропейском балете XIX века // Вопросы театра. 2017. № 1–2. С. 170–181.
6. Ланской Л. Неизвестные страницы Белинского // Литературное наследство. Т. 56. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 3–42.

¹ Подр. см.: Пуряева Н. Н. Анонимные повести о Параше сибирячке: к вопросу о сюжетном коде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (222). С. 147–154.

² Подр. см.: Пуряева Н. Н. Ремейк сюжета о Параше Луполовой в повести Е. А. Салиаса «Ваня» // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 3. С. 36–41.

³ Подр. см.: Пуряева Н. Н. Об одном источнике сюжета повести Л. А. Чарской «Сибирочка» // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 1. С. 99–106.

⁴ Подр. см.: [8]; Федорова А. В. Капитанская дочка Прасковья Луполова // Портретная галерея повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Четвёртые научные Пушкинские чтения, 2013. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2013. С. 75–81; Тахо-Годи М. А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра [Электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/taho-god.shtml (дата обращения: 08.04.2021).

7. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / пер. с фр. Г. А. Абрамова, Т. В. Шмачкова. М.: РОССПЭН, 1997. 216 с.
8. Осповат А. Л. О некоторых сюжетных источниках «Капитанской дочери» // *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin* (= *Stanford Slavic Studies*). 2007. № 33. С. 85–99.
9. Федотов А. С. От зрителя к зрителям: формы капитализации труда драматурга в первой половине XIX века (на примере пьес А. Коцебу «Лейб-кучер Петра III» и Н. А. Полевого «Параша Сибирячка») // *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. 2019. Т. 8. № 2. С. 239–259.

REFERENCES

1. Bagno V. E. [Russian Theme and Russian Themes in the Foreign Fiction (A Case Study of Systematization)]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2019, no. 3, pp. 22–30.
2. Basenko A. S. [The Genre of Dramatic True Stories Written by Nikolai Polevoy]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 1, pp. 78–82.
3. Bulanin D. M. *Zhanna d'Ark v Rossii: istoricheskij obraz mezhdru literaturoj i propagandoj* [Joan of Arc in Russia: A Historical Image between Literature and Propaganda]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arheo Publ., 2016. 718 p.
4. Grechanaya E. P. *Literaturnoe vzaimovospriyatie Rossii i Francii v religioznom kontekste epohi (1797–1825)* [Literary Mutual Perception of Russia and France in the Religious Context of the Era (1797–1825)]. Moscow, Institute of World Literature named after A. M. Gorky RAS, 2002, pp. 186–192.
5. Grutsynova A. P. [Russian Plots in the West European Ballet of the 19th Century]. In: *Voprosy teatra* [Problems of the Theater], 2017, no. 1–2, pp. 170–181.
6. Lanskoj L. [Unknown Pages of Belinsky]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 56* [Literary Heritage]. Moscow, AN SSSR Publ., 1950, pp. 3–42.
7. Maistre J. de. Considerations Sur La France (Abramov G. A., Shmachkov T. V., transl. *Rassuzhdeniya o Francii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 216 p.
8. Ospovat A. L. [About Some Plot Sources of “The Captain’s Daughter”]. In: *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin* (= *Stanford Slavic Studies*), 2007, no. 33, pp. 85–99.
9. Fedotov A. S. [From the Spectator to Spectators: Forms of Capitalization of the Dramatist’s Work in the First Half of the 19th Century (“Leib-kucher Petra III” by August von Kotzebue and “Parasha Sibiryachka” by Nikolai Polevoy)]. In: *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 239–259.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуряева Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: nadia_np@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Puriaeva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Chair of the Department of Russian Language, Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: nadia_np@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пуряева Н. Н. История Параша Лупаловой в произведениях первой половины XIX в.: формирование устойчивого сюжета // *Отечественная филология*. 2024. № 1. С. 114–124.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-114-124

FOR CITATION

Puriaeva N. N. The Story of Parasha Lupalova in the Works of the First Half of the 19th Century: Formation of a Sustainable Plot. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1. pp. 114–124.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-114-124